

Василий Алексеевич Маклаков.

История «первой волны» русской эмиграции (1918–1940) привлекала, привлекает и будет привлекать внимание историков, литературоведов, искусствоведов, да и просто «читающей публики». Что вполне понятно: редко когда значительная (если не большая) часть интеллектуальной элиты страны практически одновременно «переезжает» за границу. Эмигранты создали, по выражению Марка Раева, «Россию за рубежом»¹. За последние четверть века вышло множество работ, посвящённых истории эмиграции «первой волны», причём преобладают труды, посвящённые истории культуры, а также политической истории эмиграции. В меньшей степени повезло российским юристам, в частности, адвокатам, а ведь «сословие присяжных поверенных» выехало за рубеж едва ли не в полном составе. В самом деле: чем было заниматься юристам в стране, где место права заняло «революционное правосознание»?

По воспоминаниям последнего председателя Петроградского совета присяжных поверенных Бориса Гершуна, «самым острым вопросом, прежде всего возникшим среди адвокатуры, был вопрос: выступать ли в большевистских судах. Старые суды были уничтожены. Появились народные судьи, избранные из рабочих, прислуги, полуинтеллигентов, выбранных писцов и нередко преступных элементов; юристов среди судей в первое время почти не было. Суд творился не по старым законам, отменённым большевистскими декретами, а по революционной совести. Об обязательных и уже привычных гарантиях правосудия не могло быть речи: творился по произволу классовый суд. Вправе ли адвокат принимать участие в такой пародии на суд? Не поддерживает ли он тем самым режим, который осуждён на скорое падение? Не

¹Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-01-00135.

ГОСПОЖА ЧУЖБИНА

Олег Будницкий,

доктор исторических наук, директор Международного центра истории и социологии Второй мировой войны
НИУ «Высшая школа экономики»

АДВОКАТЫ В ИЗГНАНИИ

*Из переписки Василия Маклакова
и Оскара Грузенберга**

будет ли это изменой по отношению к основным принципам адвокатуры и в отношении прежних деятелей суда, оставшихся без средств к существованию?»²

Среди прочего, первым советским законодательным актом о суде — Декретом о суде № 1, принятым 22 ноября 1917 года, — была провозглашена ликвидация адвокатуры. Теперь адвокаты должны были именоваться защитниками, а их роль на практике становилась преимущественно декоративной. В сентябре 1918-го Петроградский совет присяжных поверенных прекратил своё существование. Адвокаты, по крайней мере, большинство из них, решили не становиться советскими «защитниками»; многие предпочли уехать за границу.

Через пять лет после захвата власти большевики издали Гражданский кодекс, что как будто означало некоторый отход от принципа «революционного правосознания». Однако значение кодекса существенно снижалось его первой статьёй, гласившей, что гражданские права реализуются постольку, поскольку они не противоречат интересам рабочей и крестьянской власти. По этому поводу афористично высказался знаменитый русский адвокат Василий Маклаков: «Это совершенно как в старину — право [не] быть высеченным, пока не высекут»³.

Как бы то ни было, в эмиграции оказались сотни российских юристов, проявивших удивительную способность к самоорганизации, создавших, в частности, адвокатские объединения в Германии⁴, Франции, позднее — в США. Задачей этих объединений (союзов) была не только взаимопомощь, но и оказание юридической помощи соотечественникам, причём нередко бесплатно или за символическую плату. История «сословия присяжных поверенных» в изгнании, бесспорно, заслуживает специального исследования. Задача настоящей статьи скромнее — рассказать о «трудах и днях» в эмиграции двух выдающихся российских адвокатов — Василия Маклакова и Оскара Грузенберга.

Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) и Оскар Осипович Грузенберг (1866–1940) были, несомненно, одними из самых ярких звёзд русской адвокатуры начала XX века. Оба относились к числу лучших российских судебных ораторов, были тонкими знатоками российских законов и судебных обычаев и нравов. Как и многие другие российские юристы, они принадлежали к «общественности». Оба были членами конституционно-демократической партии, причём Маклаков — членом её ЦК, оба баллотировались во II Государственную думу. Маклаков стал её депутатом от Москвы, упрочил в Думе свою славу одного из лучших ораторов России; был избран также в Думы 3-го и 4-го созывов. Начиная с 1906 года, он был больше политиком, чем юристом. Правда, впоследствии лидер партии кадетов Павел Николаевич Милюков упрекал Маклакова в том, что он и в политике остался адвокатом. Грузенберг баллотировался во II Думу от Виленской губернии, но не прошёл. Политикой он занимался в гораздо меньшей степени, чем Маклаков, однако участвовал в еврейском национальном движении, консультировал евреев-депутатов III и IV Дум.

Грузенберг особенно прославился защитой политических деятелей и писателей: Максима Горького, Корнея Чуковского, Вла-

мира Короленко, Милюкова, Льва Троцкого. Он также защищал Дашевского, совершившего покушение на вдохновителя Кишиневского погрома П. Крушевана, и выступал на «ритуальных» процессах⁵ (дело П. Блондеса и другие). К числу его поразительных адвокатских достижений относится защита эсера поручика Пирова, приговорённого военным судом к смертной казни. Грузенберг пригласили защищать в последний момент, дела он не видел и обвинительное заключение воспринимал на слух. Уловив в речи обвинителя союз «и» и следующее за ним слово «гражданские» (статья, в дополнение к «военным»), Грузенберг добился кассации на том основании, что к нему не был допущен гражданский защитник. Впоследствии адвокат добился не только отмены приговора, но и полного оправдания своего подзащитного⁶.

Звёздным часом Маклакова было его выступление на Выборгском процессе (1908) — процессе по делу депутатов I Государственной думы, подписавших Выборгское воззвание с призывом к протесту против роспуска Думы к отказу от уплаты налогов службы в армии и к непризнанию правительственных займов. Маклакова⁷ настолько потрясла даже председателя суда, что ушёл из зала, забыв объявить заседание закрытым. Впрочем, не помешало суду вынести обвинительный приговор и лишить более 150 депутатов права баллотироваться в Думу.

Однажды Маклаков и Грузенберг защищали вместе; именно участие в этом прискорбном процессе и принесло обоим всемирную славу. Речь идёт о деле Бейлиса (1913), деле по обвинению приказчика кирпичного завода в Киеве Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве. Бейлис был оправдан, а присяжные, по мнению Маклакова, «спасли честь русского суда». Речи Грузенберга и Маклакова на суде отчётливо показывают разницу в их ораторской манере. Грузенберг произнёс блестящую речь в защиту еврейства (второе, по существу, являлось обвиняемым на этом процессе). Даже как к присяжным, Оскар Осипович обращался «к городу и

к государю» и говорил, среди прочего, «для исторической памяти». Однако, по мнению современников, решающую роль в оправдании Бейлиса сыграла речь Маклакова — построенная логично и очень просто. Она была рассчитана именно на данный, «тёмный» состав присяжных и преследовала конкретную цель — доказать невиновность конкретного человека Менделя Бейлиса.

По мнению одного из присутствовавших на суде юристов, в этой речи Василий Маклаков показал себя «достойным учеником Плевако». Центральным моментом стала сцена, очевидно, причастной к убийству главы воровской шайки Веры Чепухи с её умирающим сыном. По словам Маклакова, она «должна была потрясти слушателей», и в стенограмме процесса в этом месте несколько раз отмечено «движение» Маклакова⁸. Адвокат нашёл ясные и понятные для присяжных слова: «Здесь присяга — не обвинение виновного, здесь крест Спасителя, здесь портрет Государя Императора. В этом всё сводится к одному: сумеете быть справедливыми, забудьте остальное»⁹.

Бейлис, как известно, был оправдан, а своё мнение о процессе Максимилиан Александрович Маклаков выразил в статьях, опубликованных в «Русских ведомостях» и «Русской мысли»¹⁰. Характерно название статьи в «Русской мысли» — «Спасительное предостережение. Смысл дела Бейлиса». После Февральской революции 1917 года Маклаков был назначен комиссаром Временного правительства в Министерстве

Оскар Осипович Грузенберг.

Мендель Бейлис на суде в октябре 1913 года в Киеве.

юстиции; однако ожидаемый пост министра юстиции вместо него получил Александр Фёдорович Керенский. В итоге Маклаков был назначен послом во Францию. По иронии судьбы он прибыл в Париж на следующий день после захвата власти большевиками. Его заочно избрали в Учредительное собрание от партии кадетов. Грузенберг после Февральской революции, уравнившей, среди прочего, евреев в правах, был назначен сенатором. Его тоже избрали в Учредительное собрание, по списку еврейских национальных организаций.

И Маклаков, и Грузенберг были противниками большевиков. Маклаков сохранял пост посла несуществующего правительства до 1924 года, в годы Гражданской войны занимался дипломатическим обеспечением Белого дви-

жения. Грузенберг пытался сотрудничать с белыми в России, но у него это не получилось — такие союзники в целом антисемитски настроенным руководителям белых были не нужны. Сына Грузенберга Юрия не приняли в Добровольческую армию. В самом конце 1919 года Оскар Осипович уехал за границу, где поначалу, как многие российские изгнанники, остановился на «пересадочной станции» — в Константинополе. В 1921–1923 годах он жил в Берлине, тогдашней «столице» русской эмиграции; в 1923–1926 годах местом его жительства была Ницца; затем он переселился в

Фёдор Болдырев, судья из Умани, приглашённый Щегловитовым на должность председателя суда.

Иван Григорьевич Щегловитов, министр юстиции. Был одним из инициаторов и ключевых фигур в организации дела Бейлиса.

Профессор Иван Алексеевич Сикорский, выступал экспертом и свидетелем от обвинения по делу Бейлиса.

Ригу, где занимался юридической практикой. В 1932 году адвокат вернулся во Францию и вновь поселился в Ницце, где и скончался в декабре 1940-го¹¹.

Маклаков в 1924 году, после отставки с дипломатического поста, возглавил Офис по делам русских беженцев при МИД Франции и одновременно был избран председателем русского Эмигрантского комитета. До конца своей долгой жизни он жил в Париже, занимаясь защитой интересов российских изгнанников¹².

И Маклаков, и Грузенберг много писали ещё в России: первый, по большей части, на общеполитические темы, второй — на юридические (он был в числе основателей газеты «Право», в которой, совместно с Владимиром Дмитриевичем Набоковым, редактировал уголовный отдел). В эмиграции оба сотрудничали в журнале «Современные записки», оба в 1930-е годы выпустили воспоминания: Маклаков — «Власть и общественность на закате старой России» (1936), Грузенберг — «Вчера» (1938). Вторая книга воспоминаний Грузенберга — «Очерки и речи» — вышла посмертно, в 1944 году, в Нью-Йорке. Маклаков в 1940–1950-е годы издал ещё три книги воспоминаний («Первая Государственная дума», «Вторая Государственная дума», «Из воспоминаний») и сборник своих речей. Грузенберг основал в 1929 году в Риге журнал «Закон и суд». Это единственное специализированное юридическое издание русского зарубежья (проблематика многих статей выходила за рамки чисто юридических вопросов); до 1938 года появилось 90 номеров этого всё ещё не изученного и не оценённого по достоинству памятника российской юридической мысли¹³. Многие статьи, публиковавшиеся на страницах «Закона и суда», в особенности о правах национальных меньшинств, имеют, на наш взгляд, не только исторический интерес.

Грузенберг до некоторой степени вошёл и в историю искусства, но не как творец, а как «объект». Кисти Валентина Серова принадлежит замечательный двойной портрет Грузенберга и его жены Розы Гавриловны (1909). После смерти Оскара Осиповича картина перешла к его потомкам и в декабре 2012 года была продана правнучкой четы Грузенберг на аукционе в Майами за 4,1 млн долларов. Это самая высокая цена, когда-либо уплаченная за картину Серова¹⁴.

Маклаков и Грузенберг не были друзьями. Больше того, знаменитый коллега раздражал Василия Алексеевича, как, впрочем, и

многих других современников. Оскар Осипович был чрезвычайно эгоцентричен и самолюбив. Даже Льва Николаевича Толстого, к которому его привёз однажды Маклаков (друг дома великого писателя), Грузенберг пытался «образумить», растолковать неадекватность его учения.

Однако в 1920-е годы между двумя знаменитыми адвокатами завязалась переписка. Тем более интересная, что эпистолярный диалог вели люди, придерживавшиеся нередко весьма различных взглядов на прошлое и настоящее России и эмиграции и бесспорно противоположные по темпераменту. Эта «разность потенциалов» и создаёт, собственно, энергетику, напряжённость заочного диалога.

Переписка сохранилась среди бумаг Маклакова в архиве Гуверовского института при Стэнфордском университете (США). Эпистолярное наследие Василия Алексеевича поразительно по объёму, широте обсуждавшихся проблем, интеллектуальному и литературному уровню. Его письма 1920-х — 1930-х годов до некоторой степени позволяют оценить и ораторское мастерство знаменитого адвоката и думского полемиста: это по большей части диктовки, запись устной речи. В общей сложности переписка с различными деятелями русской эмиграции занимает 14 (из 26) коробок в фонде Маклакова в Гуверовском архиве. Среди его корреспондентов были М. А. Алданов, Н. И. Астров, Б. А. Бахметев, А. А. Кизеветтер, В. Н. Коковцов, Е. Д. Кускова, П. Н. Миллюков, Б. И. Николаевский, А. В. Тыркова-Вильямс, В. В. Шульгин и многие другие. Публикация переписки Маклакова, этого уникального источника по истории российской политической жизни начала XX века, российской революции и постреволюционной эмиграции, этого блестящего образца эпистолярного жанра, была начата нами на страницах журнала «Родина» и его «младшего брата» — журнала «Источник» — почти 20 лет назад. Проект, однако, всё ещё далек от завершения¹⁵.

Что касается архива Грузенберга, то его судьба значительно сложнее, я бы даже сказал, туманнее. Часть его бумаг оказалась в Национальной библиотеке Израиля; каким образом и когда именно — неясно. Однако писем Маклакова там нет¹⁶. Другая — и, очевидно, наиболее содержательная — была передана после смерти Грузенберга его вдовой известному эмигрантскому общественному деятелю С. В. Полянскому с целью подготовки издания сочинений по-

койного адвоката. Понятно, что период немецкой оккупации был не лучшим временем для издания сочинений Грузенберга. А вскоре после окончания войны, в 1946 году, скончался и сам Познер, и бумаги Грузенберга остались в семейном архиве Познеров. В 1990-е годы одна часть этого архива была передана унаследовавшей его Валери Познер (известным историком кино) в Библиотеку современной документации в Нантере, а другая (в которую вошли, очевидно, и бумаги Грузенберга) — одному израильскому издателю, для последующей передачи в Национальную библиотеку Израиля. Однако передача до сих пор не состоялась. Тем не менее известный российский историк В. Е. Кельнер, разбиравший по просьбе Валери Познер бумаги её деда, успел опубликовать ряд материалов из архива Познера, в том числе часть писем к Грузенбергу и не опубликованные ранее фрагменты его воспоминаний¹⁷.

Как бы то ни было, переписка Маклакова и Грузенберга эмигрантского периода сохранилась практически полностью. В фонде Маклакова в архиве Гуверовского института находятся оригиналы — преимущественно автографы — писем Грузенберга и машинописные отписки писем Маклакова. Темы переписки далеки от обыденных. Обсуждаются историософские и актуальные политические проблемы, а также, разумеется, вопросы закона и права, учение Льва Толстого и многое другое. Особенно интересны традиционные новогодние послания Маклакова, в которых он анализирует положение России и эмиграции и делает прогнозы на будущее.

Прогнозы Василия Алексеевича не отличались оптимизмом: «... Нам по сю пору продолжает слепить глаза французская революция, из которой мы не только научились ждать Бонапарта с такой же верой, с какой евреи ждут Мессию, но даже были уве-

ренными, что революция кончится реставрацией»¹⁸. «Мы поневоле попали в разряд спутников Моисея, которым, как Вы знаете, были назначены 40 лет блужданий»¹⁹.

Маклаков надеялся на эволюцию, точнее, на разложение большевизма изнутри, и довольно точно описал процесс этого внутреннего разложения. Никакой политической роли эмиграции он не видел и считал, что её вмешательство в российские дела может только помешать внутренним процессам перерождения большевизма и постепенного изживания его страной. По его словам, когда эмигранты «лезут в Россию, делают какие-то заговоры с помощью ГПУ (прозрачный намёк на скандал с делом «Треста», якобы антибольшевистской тайной организацией в СССР, созданной ОГПУ с целью инфильтрации в эмигрантскую среду. — О. Б.), кого-то подстрекают или взрывают и платят за это головой, то это и не самообман, и не хулиганство, а просто политическое хакири»²⁰.

Скептическое отношение к эмиграции было тем немногим, в чём, пожалуй, сходились Грузенберг с Маклаковым. Однажды Грузенберг написал по просьбе Академии наук СССР воспоминания о Максиме Горьком, но отправить текст в Москву не решился, опасаясь обвинений в сотрудничестве с советским режимом. По этому случаю в досаде то ли на эмиграцию, то ли на самого себя он писал: «Живу в эмиграции, среди повреждённых людей, заменяющих любовь к родине ненавистью к её лютотому правительству. Поди столкнись с вами со всеми насчёт того, что Академия наук есть Академия наук, что родина не перестаёт быть милою оттого, что она несчастна, что уехать за границу — подвиг не из великих...»²¹

Окончание следует

Примечания

1. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939. М. 1994.
2. ГАРФ. Ф. Р-5986. Оп. 1. Д. 1в. Л. 1.
3. Цит. по: Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М. 2005. С. 104. Прим. 38.
4. О Союзе русской присяжной адвокатуры в Германии см.: Будницкий О. В., Полян А. Л. Русско-еврейский Берлин (1920–1941). М. 2013. С. 115–147.
5. «Ритуальные процессы» — процессы по делам об обвинении евреев в убийствах людей иных исповеданий (преимущественно христиан) для использования их крови в ритуальных целях («кровавый навет»). Кровавые наветы, зародившиеся в период Римской империи, практически прекратились в Западной и Центральной Европе после эпохи Реформации, однако вновь появились во второй половине XIX — начале XX в. в связи с формированием современной антисемитской идеологии. В начале XX в. в России состоялось несколько «ритуальных процессов»; во всех случаях подсудимые были оправданы.
6. О деле поручика Пирогова см.: Грузенберг О. О. Вчера. Воспоминания. Париж. 1938. С. 96–109.
7. См. речь Маклакова в: Выборский процесс. СПб. 1908. С. 117–125. Вместе с ним защищали О. Я. Пергамент и Н. В. Тесленко.
8. Письмо А. А. Гольденвейзера В. А. Маклакову от 10 апреля 1954 г. // Hoover Institution Archives. Stanford University. Stanford, California, USA. Vasily Maklakov Collection. Box 16. Folder 10; Дело Бейлиса. Стенографический отчёт. Т. III. Киев. 1913. С. 137–138.
9. Дело Бейлиса. Т. III. С. 125.
10. Маклаков В. Значение дела Бейлиса // Русские ведомости. 1913. 30 октября; Маклаков В. Спасительное предостережение. Смысл дела Бейлиса // Русская мысль. 1913. № 11. Отд. II. С. 135–143.
11. Подробнее о Грузенберге см.: Б. О. О. Грузенберг — защитник в революционном трибунале. Из воспоминаний подзащитного // Новое русское слово. 1940. 31 декабря. С. 2; вступительные статьи Е. М. Кулишера, И. А. Найдича, А. Я. Столкина, И. Л. Цитрона в кн.: Грузенберг О. О. Очерки и речи. Нью-Йорк. 1944; Гольденвейзер А. А. Адвокат-боец: Памяти О. О. Грузенберга // В защиту права. Статьи и речи. Нью-Йорк. 1952. С. 241–252; Герман И. Я. Большой русский патриот. Памяти О. О. Грузенберга // Русская мысль. 1953. 14 ноября. С. 4; Вишняк М. В. О. О. Грузенберг // Русская мысль. 1956. 10 июля. С. 2–3; Ковальчук С. Рига в эмигрантских скитаниях Оскара Грузенберга // Евреи в меняющемся мире. Материалы 3-й международной конференции. Рига. 25–27 октября 1999 г. Т. III. Рига. 2000. С. 486–494.

12. Подробнее о Маклакове см.: Адамович Г. В. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж. 1959; Карпович М. Два типа русского либерализма: Маклаков и Милоуков // Новый журнал. Кн. 60. Нью-Йорк. 1960; Будницкий О. В. Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999. № 2. С. 12–26; № 3. С. 64–80; Он же. Маклаков и Милоуков: два взгляда на русский либерализм // Либерализм в России: исторические судьбы и перспективы. М. 1999. С. 416–428; Он же. В. А. Маклаков и «еврейский вопрос» // Вестник Еврейского университета. История. Культура. Цивилизация. 1999. № 1(19). С. 42–94; Он же. Милоуков и Маклаков: к истории взаимоотношений. 1917–1939 // П. Н. Милоуков: историк, политик, дипломат. М. 2000. С. 358–383; Он же. Послы несуществующей страны // «Совершенно лично и доверительно»; Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков: Переписка 1919–1951. Т. 1. М.; Стэнфорд. 2001. С. 16–114; Он же. Пытка примирения // Диаспора: Новые материалы. Вып. I. Париж; СПб. 2001. С. 179–240; Он же. В. А. Маклаков и журнал «Современные записки» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940). М. 2010. С. 203–232; Он же. В. А. Маклаков и В. В. Шульгин: друзья-противники // Спор о России: В. А. Маклаков — В. В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. М. 2012. С. 5–42; др.
13. Единственная известная нам обзорная статья о журнале: Ковальчук С. Судьба журнала «Закон и суд» (1929–1938) // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Т. 4. Рига. 1999. С. 88–103.
14. См. <http://www.artguide.com/ru/news/siensatsiiva-maiami-novyi-auktsionnyi-riekord-valentina-sierova-1025.html>
15. См.: «Большевизм есть несчастье, но несчастье заслуженное». Переписка В. А. Маклакова и А. А. Кизевветера // Публ. О. Будницкого и Т. Эммонса // Источник. 1996. № 2. С. 4–24; Написанные без оглядки. Василий Маклаков и его письма-портреты // Публ. О. Будницкого // Родина. 1996. № 10. С. 54–61; События генералов // Публ. О. Будницкого // Родина. 1997. № 12. С. 59–62; «Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков: Переписка 1919–1951. В 3-х тт. // Ред., вступ. ст. и комментарии О. В. Будницкого. М.; Стэнфорд. 2001–2002; Политический роман в письмах. Из переписки А. В. Тырковой и В. А. Маклакова // Публ. и вступит. статья О. В. Будницкого // Русская эмиграция: литература, история, кинолетопись. Иерусалим; Таллинн. 2004. С. 302–320; Будницкий О. В. 1945 год и русская эмиграция. Из переписки М. А. Алданова, В. А. Маклакова и их друзей // Ab Imperio. 2011. № 3. С. 243–311; Спор о России. В. А. Маклаков — В. В. Шульгин. Переписка

16. 1919–1939 гг.; «Права человека и империи». Письма В. А. Маклакова к М. А. Алданову // Публ. О. В. Будницкого // История и историки: Историографический вестник 2009–2010. М. 2012. С. 298–315; Будницкий О. После Сталина: Из эмигрантской переписки 1953 года // Родина. 2012. № 7. С. 17–22; «Предпочтито во много раз убийство Муссолини казни Лавалля». Из переписки В. А. Маклакова и М. А. Алданова // Публ. О. В. Будницкого // Российская история. 2013. № 4. С. 39–59; «Я совершенно признаю, что продолжать совместную работу нам будет трудно». В. А. Маклаков // Публ., вступит. статья и примечания О. В. Будницкого // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 4. М. 2014. С. 111–242; Будницкий О. «Атомная бомба и Евангелие не очень совместимы». Русская эмиграция в начальный период Холодной войны // Родина. 2014. № 1. С. 145–147; № 2. С. 136–140; и др.
17. См. обзор фонда Грузенберга в: Трибунский П. А. Фонд адвоката и общественного деятеля О. О. Грузенберга в Национальной библиотеке Израиля // Археологический ежегодник за 2009–2010 годы. М. 2013. С. 345–350.
18. Владимир Жаботинский. Письма Оскару Грузенбергу // вступ. ст., публ. и коммент. Х. Фирина (Фирин — псевд. В. Е. Кельнера) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 2 (6). С. 215–254; Грузенберг О. О. Страницы воспоминаний // Публ., вступит. статья и комментарии В. Е. Кельнера // Там же. № 3 (7). С. 221–240; Письма П. Н. Милоукова — О. О. Грузенбергу (из парижского архива Соломона Познера) // Публ., вступит. статья и примечания В. Е. Кельнера // Russian studies = Etude russes = Russische Forschungen: ежегодный журнал русской филологии и культуры. СПб. 2000. Т. III. № 3. С. 258–314. См. также чрезвычайно интересную подборку писем Грузенберга российскому промышленнику, еврейскому филантропу и сионистскому деятелю И. А. Найдичу, охватывающую период 1920–1933 годов в: О. О. Грузенберг. Письма Исааку Адольфовичу Найдичу (1920–1933) // Публ. и комментарии Ш. Маркши // Еврейский журнал (Мюнхен). 1991. С. 80–100. Письма Грузенберга Найдичу отложились в архиве последнего, который хранится в библиотеке еврейской общины в Женеве.
19. Маклаков — Грузенбергу, 17 января 1927 // Hoover Institution Archives (HIA). Vasily Maklakov Collection. Box 8. Folder 1 (далее в сносках фонд Маклакова обозначается как HIA, цифры указывают номера коробок и папки).
20. Маклаков — Грузенбергу, 26 января 1928 // HIA. 8–1. 20. Маклаков — Грузенбергу, 26 января 1928 // HIA. 8–1. 21. Грузенберг — Маклакову, 20/21 ноября 1935 // HIA. 8–4.